

АЗБУКА-ФЭНТЕЗИ

КНИГИ ГЕНРИ ЛАЙОНА ОЛДИ:
ЦИКЛОП. Книга I. Чудовища были добры ко мне
ЦИКЛОП. Книга II. Король Камней
ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга I. Волчонок
ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга II. Волк
ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга III. Вожак
КРЕПОСТЬ ДУШИ МОЕЙ (вместе с А. Валентиновым)
ШЕРЛОК ХОЛМС ПРОТИВ МАРСИАН
ПУТЬ МЕЧА
ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН
МЕССИЯ ОЧИЩАЕТ ДИСК
ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга I. Клиники Ойкумены
ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга II. Призраки Ойкумены
ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга III. Ангелы Ойкумены
МАГ В ЗАКОНЕ
ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ХЕНИНГА
СИЛЬНЫЕ. Книга I. Пленник железной горы
СИЛЬНЫЕ. Книга II. Черное сердце
СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ
БЕЗДНА ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ
БЫК ИЗ МАШИНЫ
БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.
Книга I. Отщепенец
КАБИРСКИЙ ЦИКЛ
БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.
Книга II. Беглец
ЧЕРНЫЙ БАЛАМУТ
БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.
Книга III. Сын Ветра
ОЙКУМЕНА: Кукольник. Куколка. Кукольных дел мастер
НЮАНСЕРЫ
КАРП И ДРАКОН. Книга I. Повести о карме
КАРП И ДРАКОН. Книга II. Рассказы ночной стражи
ЧЕРНЫЙ ХОД
ЗОЛОТОЙ ЛУК. Книга I. Если герой приходит
ЗОЛОТОЙ ЛУК. Книга II. Всё бывает
ДРАКОН И КАРП. Книга I. Кукла-талисман

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ДРАКОН И КАРП

Книга I. Кукла-талисман

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445
О 53

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации Александра Семякина

Иллюстрация на обложке Владимира Бондаря

- © Г. Л. Олди, 2021
- © А. В. Семякин, иллюстрации, 2021
- © В. О. Бондарь, иллюстрация на обложке, 2021
- © Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19384-0

Если в моей стране, после обретения мною состояния будды, будет место для ада, царства голодных духов и животных, пусть я не достигну наивысшего Просветления.

Изначальная молитва Будды Амиды

Пролог

Небо горело над монахом.

Этот пожар не сжег бы и случайную мошку. Алые листья клена, чья крона вспыхнула неделю назад, горели без жара и дыма. На этот холм в излучине Кацуры редко приходили с целью полюбоваться красками осени. Знаток предпочитали более живописные места, а если и взбирались на холм, то садились на расстоянии от деревьев, чтобы лучше видеть трепещущую листву. Монах же всегда садился под клен, опершись спиной о шершавый ствол, закрывал глаза и превращался в резную статую. Случалось, он поднимал лицо вверх, к листьям, но глаз не открывал.

Вероятно, клен в воображении монаха был прекраснее клена в действительности. Оставалось загадкой, зачем он вообще сбивал ноги, поднимаясь на холм. Воображаемые клены отлично растут где угодно, хоть в общественных банях Киото.

— Старшему дознавателю службы Карпа-и-Дракона в городе...

Поразмыслив, монах велел:

— Возле имени дознавателя и названия города оставь пропуск. Пусть в канцелярии сделают семьдесят две копии письма и вставят все, что требуется, по списку. Если понадобятся дополнительные копии, проследи, чтобы с этим не возникло заминки. Рассылка должна пройти как можно быстрее.

Секретарь кивнул:

— Да, святой Кёнё.

Он сидел в пяти шагах от монаха, прямо на земле, подстелив для удобства соломенную циновку, обшитую тканью по краям. Перед секретарем стоял низенький столик на черепаших лапах, инкрустированный перламутром. Главным достоинством столика была устойчивость — монах часто вынуждал секретаря делать записки в мало подходящих для этого местах. Инкрустацию по большей части скрывали «драгоценности кабинета» — письменные принадлежности. Тушечница из черной яшмы, листы рисовой бумаги, стаканчик с кистями из козьего и барсучьего ворса — все это секретарь достал из лаковой коробки, которую принес с собой, не доверяя слугам драгоценную ношу, и заблаговременно расставил, не дожидаясь приказа.

— Не зови меня святым, — с укором произнес монах.

— Да, святой Кёнё.

Это был их обычный обмен репликами. Монахам, как известно, не полагаются секретари, но для Кёнё, главы столичной службы Карпа-и-Дракона, делалось исключение. Для него делалось столько исключений, что одним больше, одним меньше — какая разница? Иногда монах подумывал заменить секретаря на другого, такого, который будет повиноваться приказам, а не ускользать от них, как рыба в ручье ускользает из пальцев ребенка. Мысли о замене возникали и исчезали, не оставив последствий. Менять лучшего секретаря на худшего? Только потому, что этот зовет тебя святым? Пустая трата времени.

Особенно если тебя зовет святым каждый встречный.

— Пиши. — Монах вяло взмахнул рукой. — «Будда Амида был милостив к нам, грешникам, даровав Чистой Земле благородный закон *фуккауцу*. Вняв мольбам моего просветленного отца, светоча добродетели, будда наложил вечный и непреложный запрет на убийство. С тех

пор...» Дальше раскрой тему сам. Ты не хуже меня знаешь, о чем писать. Когда закончишь, я продолжу.

Зашуршала кисть.

Ей вторили струны. Весь разговор с секретарем проходил под тихий аккомпанемент: за деревом, невидимый для секретаря, старик-музыкант играл на сямисэне. Обтянутый собачьей шкурой, трехструнный инструмент звучал в «песенном стиле»: так сопровождались представления в театре Кабуки. Театр приглашал еще барабанщиков и флейтиста, но холм в излучине Кацуры легко обходился без многолюдного оркестра.

«Ветер над равниной Миягино» монах мог слушать вечно. Зная это, музыкант начинал пьесу заново, едва доиграв финал. Если монаху хотелось чего-то другого, он щелкал пальцами и произносил название сочинения вслух. Иногда старик начинал играть сразу по щелчку, угадывая желание господина без слов. Не было случая, чтобы он попросил у монаха прощения, отговорившись незнанием песни.

Ветер трижды пронесся над равниной Миягино, прежде чем секретарь деликатно кашлянул:

— Я закончил, святой Кёнё.

Монах вздохнул.

— Трудно быть сыном бодисаттвы, — объяснил он свой вздох. — В особенности если ты старший сын. Меня сравнивают с отцом, и это всегда не в мою пользу. Отсвет родительской славы ложится на меня, и это всегда в мою пользу. Они чужие, и прибыль, и убыток. Что бы я ни делал, они были и останутся чужими. Мое смирение, Ихара-сан, подвергается чрезмерным испытаниям.

Секретарь промолчал. Он хорошо знал цену смирения своего господина. Когда отец монаха, живой бодисаттва Кэннё, чьим молитвам внимал сам будда, умер, сбросив изношенное тело, как сбрасывают ветхую одежду, он оставил настоятелем монастыря Хонган-дзи не старшего сына, чего ждали все, а младшего. И что же? Не прошло

и шести месяцев, как старший силой захватил монастырь, изгнав брата. Никакие уговоры не помогали: захватчик не пускал изгнанника и на порог. Понадобилось вмешательство сёгуна, чтобы восстановить волю бодисаттвы, изложенную в завещании и скрепленную личной печатью. В итоге младший сын вернулся в монастырь, а старший покинул его, заняв место главы службы Карпа-и-Дракона. С тех пор он посвящал дни и ночи делам, связанным с фуккацу — воскрешением духа убитого в теле убийцы.

— Пиши дальше: «Люди смертны. При жизни и после нее человек за редким исключением остается человеком. Закон не делает различия между живым и мертвым, в особенности если закон этот положен буддой Амидой. Столкнувшись с трудностями, которые наша служба испытала ввиду вышеуказанного, я счел необходимым...»

Монах открыл глаза. Встал, обогнул дерево.

— Трижды, — сказал он, возвышаясь над музыкантом.

— Да, господин, — откликнулся старик.

— Трижды ты взял неверную ноту.

— Да, господин. Я заслуживаю смерти.

— Ты болен? Если да, я пришлю врача.

— Я здоров, господин. Благодарю за заботу.

— Ты устал? Вернись домой, отдохни. Я дам тебе провожатого.

Провожатый музыканту не помешал бы. Если монах, сидя под кленом, закрывал глаза, прячась в искусственной слепоте, слепота музыканта была естественной. Оба зрочка старика затягивала бледная пелена, похожая на утренний туман, стелющийся по берегу реки. Родился музыкант незрячим или утратил зрение с возрастом — этого не знали ни монах, ни секретарь.

— Я не устал, господин.

— Не лги мне!

В голосе монаха звякнула сталь.

— Я не устал, господин, — дрожа от страха, повторил старик. — Я измучен сверх всякой меры, но это не усталость. Вот уже третью ночь подряд я играю в богатом доме, от заката до рассвета. Слуга забирает меня из моего жилища и ведет к слушателям. Публика благодарна, она не скупится на похвалы и подарки. Но когда я возвращаюсь домой...

— Что же происходит, когда ты возвращаешься домой?

— Я не могу заснуть. Мое тело требует отдыха, а разум противится. Разум вспоминает ночное выступление так, словно оно длится без конца. Прошу прощения, господин. Я не должен был отягощать вас своими ничтожными заботами.

Протянув руку, монах коснулся лба музыканта. Прикосновение длилось и длилось, как если бы сын живого бодисаттвы ловил отголоски ночных выступлений.

— Это не дом, — глухо произнес монах. Рука его упала, повисла без движения. — Ты играешь на кладбище близ храма Хонэн-ин. Ты играешь для мертвецов.

— Я знаю, — согласился старик.

«Я не должен отягощать вас своими ничтожными заботами» — вот что повторилось в его ответе.

— Рано или поздно ты не вернешься от них.

— Знаю, мой господин.

— Что ты исполняешь для мертвых?

— «Предательство в храме Хонно», господин. Это все, чего они требуют. И с каждым разом публика впадает во все большее буйство. Они неистовствуют, а я играю.

— Ты хочешь жить?

— Очень хочу, господин. Иначе кто будет играть вам «Ветер над равниной Миягино»? Я готовлю внука себе на смену, но он еще не готов сменить меня рядом с вами. Все, о чем я мечтаю, — это еще о двух годах жизни. Два года, разве это много? Тогда вам сыграет мой внук.

— Встань.

Отложив сямисэн, старик с трудом поднялся на ноги. Не считая это ниже своего достоинства, монах взял его за плечо и повел к секретарю. Поравнявшись со столиком, монах наклонился, вынул из стаканчика кисть, обмакнул ее в тушь и начертал на лбу и щеках старика некие знаки. После длительного размышления он добавил цепочку знаков на шее музыканта, заключив дряблую старческую шею в изысканное кольцо. Делая вид, что смотрит в землю, секретарь с удивлением наблюдал за действиями господина. Поначалу секретарю казалось, что он узнает строки из «Сутры о видении будды по имени Неизмеримое Долголетие», но вскоре секретарь понял свою ошибку.

Эти тексты были ему неизвестны.

— После заката за тобой придут. — Монах вернул кисть в стаканчик. — Не спорь, иди за слугой. Выступай как обычно, ничего не бойся. А когда закончишь первое исполнение «Предательства в храме Хонно», встань, трижды хлопни в ладоши и громко скажи: «Хвала будде Амиде! Выступление окончено!» Больше за тобой не придут.

— А если придут, господин?

— Не придут, верь мне.

Любой на месте старика рассыпался бы в благодарностях. Любой, только не старик.

— Я слышал подобную историю. — Говоря, слепец прислушивался к собственным ощущениям. Знаки, начертанные монахом, имели особое звучание. Старик ловил его всем своим существом, чутким к таким материям. — В Акамагасэки жил музыкант, слепой, как я, мастер игры на *бива*¹. Его тоже приглашали играть для мертвецов. Настоятель храма Амида-дзи покрыл все тело музыканта знаками священных сутр, чтобы мертвецы не смогли коснуться несчастного. Чистыми остались только уши. Посланец мертвых ухватил беднягу за уши и оторвал их.

¹ *Бива* — струнный инструмент типа лютни.

Монах кивнул:

— Я знаю историю слепого Хоити. Все ее знают.

— Все тело, кроме ушей, господин. Вы же оставили мое тело чистым, за исключением шеи и головы. Что оторвут мертвые мне? Руки? Ноги? Может быть, они ограничатся пальцами? Мои пальцы уже не такие, как в молодости, но я ими дорожу.

— Когда закончишь песню, — повторил монах с нескрываемым раздражением, — трижды хлопни в ладоши и громко скажи: «Хвала будде Амиде! Выступление окончено!» Больше за тобой не придут. За кого ты меня держишь, а? За жалкого настоятелишку провинциального храма?!

Взгляд монаха полыхнул огнем. Сейчас легко было поверить, что этот человек пренебрег завещанием отца, живого бодисаттвы, к которому прислушивался сам будда Амиды, захватил монастырь, изгнал брата, а потом лишь волей сёгуна сменил жизнь в обители на руководство одной из важнейших служб Чистой Земли.

— Мне не надо целый день расписывать тебя тушью, чтобы прекратить кладбищенские забавы. — Огонь вспыхнул и погас. — Тратить столько туши на дряхлую бездарность? Тратить столько времени? Столько сил?! Хочешь — верь, хочешь — не верь, но все будет, как я сказал. Эй, кто там?

По склону взбежал юноша-слуга. Повинуясь жесту монаха, он положил руку слепца себе на плечо и повел старика прочь.

— Третий случай. — Монах смотрел им вслед, хмурился. — Уже третий случай со слепыми музыкантами на кладбище Хонэн-ин. Третий за последние два года. Что-то господа покойники совсем распоясались. Пора прикрутить им хвосты при всем уважении. На чем мы остановились?

— «Закон не делает различия между живым и мертвым, — зачитал секретарь вслух, — в особенности ес-

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но все будет, как я сказал.

ли закон этот положен буддой Амидой. Столкнувшись с трудностями, которые наша служба испытала ввиду вышеуказанного...»

— Вот-вот, — согласился монах. — Пиши дальше: «...я счел необходимым учредить в рамках службы Карпа-и-Дракона особый отдел. В его обязанности войдут случаи фуккацу, выходящие за пределы обыденных. Старшему дознавателю приказываю взять такие особые отделы под личный контроль. В случае затруднений рекомендую обращаться...»

Налетел ветер. Несколько листьев сорвались с ветвей. Упав к ногам монаха, они лежали на земле, как красные кляксы — или отпечатки окровавленных ладоней.

ПОВЕСТЬ О МЕРТВЫХ И ЖИВЫХ

Есть чувства, сила которых такова, что они поработают человека. В этом смысле нет разницы между любовью и ненавистью, стремлением отомстить или облагодетельствовать. Не все ли равно, кто волочит тебя по земле, надев веревку на шею, — красавец или урод?

Отказаться от чувств нельзя. Сколько ни говори, что сердце должно уподобиться стьлому пеплу — пустая затея. Даже будде свойственно милосердие. Но можно отказать чувству, если из спутника оно превращается во владыку. К сожалению, владыки гневливы, отказывать им опасно для жизни.

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса. Записки на облаках

Глава первая

ЖУРАВЛИ — СИМВОЛ УДАЧИ

1

«Будьте моим гостем»

Широкие размашистые мазки.

Небесный художник рисовал вечер. Картина менялась через каждые три-четыре вдоха. Вот только что горизонт полыхал багрянцем заката, а выше вздымался к зениту птичий хвост — лиловые перья облаков. Но стоило сморгнуть — и багрянец потускнел, едва тлеет тонкой полоской. Перья разлохматились, из лиловых сделались пепельными, из возвышенных — печальными. Почернели, обуглились, превратились в исполинского вóрона.

— Кажется, я слишком быстро дышу, — пробормотал Одзаки Хэруо.

Он еще раз моргнул. Когда же взор Хэруо вновь обратился к вышнему холсту, то обнаружилось, что ворон потерял очертания, расплылся пятном туши. Сквозь эту всеохватную черноту проступили блестящие крупинки серебра — первые звезды.

— Или кто-то слишком быстро рисует...

Хэруо покачнулся и ухватился за ближайшую изгородь, дабы не упасть. Пока он с натугой возвращал себе приемлемое равновесие, прохладный ветер овеивал разгоряченное лицо. Горьковатый аромат осенних листьев мешался с бодрящей свежестью близкого моря. В голове заметно прояснилось. Хэруо даже отпустил спасительную ограду и отметил, что ободрал ладонь о занозистую доску. Впрочем, достойно ли доблестного самурая обращать внимание на подобные мелочи?

Доблестный самурай протрезвел в достаточной степени, чтобы осознать, что он пьян. Да, пьян! И битый час любитесь закатом. Торчит в безымянном переулке, периодически засыпая с открытыми глазами. Или все-таки с закрытыми? Не важно. Главное, теперь он может стоять ровно. Он может идти. Точно может, если не очень быстро. Может вспомнить, в каком он квартале, что он здесь делал, куда направлялся...

Кстати, а куда он направлялся?

Хэруо сосредоточился. В портовый квартал он пришел... Зачем? Ага, тут sake дешевле. Куда он собирался потом? В Ю-Каку, Двор Развлечений, где есть красотки на любой вкус, а главное, на любой кошелек, от «птичек с набережной» до «сливовых чайнок». Деньги остались? Да, за пазухой, в кошельке. Значит, пошел, да не дошел. Глазел на закат, пока не стемнело.

Что теперь? Теперь — все. Ворота закрыли, стража до утра из квартала не выпустит. Пробираться обходными путями? Вернуться пить дальше? Там же и заночевать? Кривой Нори не откажет, он никому не отказывает...

Качаясь сосной под ветром, Хэруо прислушался к себе. Удивительное дело! Sake ему не хотелось. И спать не хотелось. Хотелось женщину. Любую. Желательно помоложе и не совсем уродину. Остальное — пустяки. Он выпил достаточно! Вполне достаточно, чтобы...

Самурай расхохотался. Ну да, сейчас любая подойдет. Только где ее взять, любую? Раньше надо было думать. Тоже мне закат! И кстати, чем это пахнет?

Посреди осени повеяло весной. Словно кто-то вслух произнес имя самурая¹. Цветы? Цветов, которые бы так пахли, Хэруо припомнить не мог, как ни старался. Духи? Женские духи?

— Простите мою дерзость, господин...

— Что? Кто?!

¹ Хэруо — человек весенней поры.

— Кажется, вы заблудились?

— Я? В родном-то городе?!

Нельзя было оборачиваться так резко. Перед глазами все поплыло. Голова закружилась, Хэруо чуть не упал. Тот вышла бы неловкость! Нет, мы еще ого-го, мы стоим на ногах! Мы стоим и любуемся, только уже не закатом.

Длинное, до пят, кимоно. Ткань блестит перламутром. Это все луна, да. Выбравшись на небосклон, луна протекла на безымянный переулочек, смазала, смешала цвета и оттенки. Почему она так ярко светит? Аж глаза слезятся! Из-за этого всего вокруг, куда ни глянь, расплываются туманные ореолы.

Красиво.

Кимоно светлое, пояс темный. Не разберешь, какого цвета. Ну и не надо. Дался тебе этот пояс, дурачина! Лицо... Вторая луна взошла! Глаза, брови, губы. Вот же повезло! Родинка на левой щеке. С родинкой даже лучше. Маленький изъян делает красавицу совершенной. И вообще, кто здесь был согласен на любую женщину?!

— Еще раз простите, господин, но знаете ли вы, где находитесь?

— Конечно знаю! Я в портовом квартале.

Хэруо вспомнил о вежливости:

— Благодарю за заботу.

— Неужели вы живете здесь? В этих трущобах?!

Хэруо хотел ответить, но к горлу подкатило. Удалось лишь отрицательно икнуть. Девушка рассмеялась: словно пригоршня серебра раскатилась по переулочку.

— Как же вы попадете домой?

— Не знаю, — с вызовом ответил Хэруо.

Он с усилием сглотнул. Чаще забилося сердце, кровь быстрее побежала по жилам. Последнему болвану ясно, на что намекает девушка!

— О, господин! Вы что, хотите ночевать на улице?

— Если такая красавица, как ты, предложит мне лучший ночлег...

— Красавица? Вы мне льстите.

В руке девицы возник веер, она прикрыла им лицо, будто в смущении. Безыскусное, такое милое притворство породило в Хэруо ответную бурю чувств.

— Разве можно польстить луне на земле? Родной сестре луны в небе?

— Отвечу любезностью на любезность. Могу ли я позволить такому учтивому и благородному господину спать под забором? Если вы не побрезгуете моим скромным жилищем, я почту за честь...

— Усталый путник и не мечтает о чем-то большем!

— Надеюсь, господин преувеличивает свою усталость. — Девица подмигнула с откровенным лукавством. — Идемте же! Тут недалеко.

«Недалеко» оказалось понятием растяжимым. Хэруо едва поспевал за девицей, которая вела его за собой через хитросплетения темных улочек и переулков. Самурай много раз бывал в портовом квартале, но совершенно его не узнавал. Ох уж это сакэ! Ох уж этот обманчивый лунный свет! Вступив в сговор, они превращали пропахший рыбой и нечистотами квартал в колдовской лабиринт. Вонь сгинула, расточилась, остался лишь аромат духов его проводницы. Он вел Хэруо за собой как на привязи, даже если красавица скрывалась за поворотом, на десяток шагов опередив спутника.

Впереди мелькнул свет фонаря. В его охристых мазках Одзаки Хэруо опознал Оониси, Большую Западную улицу. Девушка придержала шаг, дожидаясь спутника.

— Мы почти у цели, господин. Но нам лучше переждать.

По Оониси шел ночной патруль. Хэруо с девицей притаились в тени. Ну да, зазывать мужчин к себе на ночь — занятие не вполне законное. Оно было бы законным во Дворе Развлечений, но никак не здесь. На глаза патрулю лучше не попадаться.

Хорошо, подумал Хэруо, что я не пропил все деньги. Будет чем отблагодарить красотку. Вряд ли она внезапно вспылала страстью к незнакомцу и готова провести с ним ночь совершенно бескорыстно. Мысль была на удивление трезвой. Разочарования Хэруо не испытал: на иное он и не рассчитывал. Возбуждение покусывало его за шею, копошилось в штанах.

Скорей бы уже дойти до ее дома!

Свет фонаря исчез в отдалении. Стихли шаги стражи. Мужчина и женщина продолжили путь, пересекли Оониси, вновь углубились в извилистые лабиринты. Запах духов усилился, ударил в голову не хуже sake. Девушка замедлила шаг, обернулась:

— Мы пришли, добрый господин. Не побрезгуйте, будьте моим гостем.

По дорожке, ведущей от калитки, они двинулись к дому. Аромат сделался густым, как патока, в нем пробилась душная сладковатая нотка. Хэруо начало подташнивать. Как бы не опозориться! Возле крыльца росли диковинные цветы с длинными «ресницами», в лунном блеске они полыхали призрачным огнем. Это цветы, а не духи источали будоражащий запах, который удавкой захлестнул шею самурая и вел его за красавицей всю дорогу.

Я их видел, вздрогнул Хэруо. Где же я видел такие цветы?

— Я нуждаюсь в изголовье, — тонким голоском спела девица, кокетничая. — Но если изголовья нет, я готова преклонить голову на колени человека с чувствительным сердцем...

В дверях она обернулась, с улыбкой поманила гостя за собой. Цветы? Какие цветы, когда впереди восхитительная ночь?! Разуваюсь у входа, Хэруо едва не упал. Ухватился за стену, услышал хруст. Вроде бы все цело, ничего не сломал. Девица раздвинула бумажную дверь; в последний момент самурай успел заметить, что бумага

мерцает. На ней проступал темный рисунок: цветы, опять цветы, похожие на глаза с ресницами. С тихим шелестом перегородка ушла в сторону, рисунок исчез. Свет, льющийся изнутри, сделался ярче, желтым прямоугольником упал на пол, под ноги. Нет, это не свет, это новенькая циновка. Гостеприимно расстелена, приглашает войти... Или все-таки свет?

Хозяйка зажгла лампы? Зажгла, уходя из дома?! Хэруо икнул от изумления. Не пожалела масла? Не побоялась пожара? Так ждала гостя?!

Забыла погасить перед уходом?

Девушка скользнула в комнату, пропала из виду. В душе Хэруо пробудилась от спячки змея тревоги: шевельнулась, расправила скользкие холодные кольца. Аромат упал сверху рогаткой змеелова, прижал змеиную голову. Ослабевшее было вождение вспыхнуло с двойной силой, самурай решительно шагнул вперед. С опозданием вспомнил о плетях за поясом: нехорошо, неправильно, надо было оставить оружие в коридоре...

Да ладно! Будь хозяин мужчиной — счел бы оскорблением. А красотка не обидится. Даже не заметит...

Яркий свет лампы больно резанул по глазам. Хэруо зажмурился, вскинул ладонь к лицу. Пошатнулся, как от толчка, — это sake, все sake виновато! Пить надо меньше. Иначе с чего бы обычной масляной лампе гореть ярче пожара? И с чего бы в этом удивительном огне за миг до того, как Хэруо смежил веки, взору его предстали не один, а два темных силуэта?

— Ты кто такой?! Что за невежа лезет в дом без спросу?

Голос был мужской: грубый и гневный.

— Я Одзаки Хэруо! А ты кто такой?!

Хэруо считал себя человеком обходительным. Но с грубиянами у него разговор был короткий. Если к нему обращались без должного почтения, самурай отвечал

тем же. Кланяться? Лебезить? Извиняться до последнего и только потом вступать в схватку? Нет, это не для Одзакки Хэруо!

— Я Кояма Мичайо! Что ты тут делаешь? Отвечай!

Хэруо наконец проморгался. Лампа светила из-за спины Коямы, и он по-прежнему видел перед собой лишь силуэт наглеца на фоне стены, обтянутой расписной бумагой: в голубом небе с редкими облаками летели журавли.

— По какому праву ты спрашиваешь?!

Гнев закипал внутри, подступал к горлу. Ладони сами легли на рукояти плетей за поясом. Хорошо, что он не оставил их при входе! «А вдруг это ее брат и он в своем праве?» — запоздало пришло в голову. Гнев от здоровой мысли ничуть не унялся. Напротив, разгорелся еще больше.

— По праву гостя и защитника прекрасной госпожи!

— Это я гость прекрасной госпожи! — взревел Хэруо. — А ты — дерзкий самозванец!

Кояма тоже не оставил свои плети при входе. Больше не тратя слов, оба выхватили оружие, не став разворачивать плети. В тесноте комнаты сподручней было сражаться дубовыми рукоятями, как палками.

Занося большую плеть для первого удара и выставив перед собой малую для защиты, Хэруо бросил взгляд в дальний угол комнаты. Девушка сидела на тюфяке, застланном дорогим покрывалом цвета весенней травы — *его* цветом! Лампа перестала слепить глаза, Хэруо видел девушку с неправдоподобной четкостью, во всех подробностях, на какие прежде не обратил бы внимания. Смоляные волосы небрежно расчесаны, концы перевязаны золотыми лентами. Нижнее кимоно — снежно-белое. Поверх него надето другое, шелковое на вате, с узором из лилий и листьев ивы. Пояс цвета осенних сумерек заткан искусной вышивкой в виде листьев клена. Прозрачный шарф на плечах...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
--------------	---

ПОВЕСТЬ О МЕРТВЫХ И ЖИВЫХ

Глава первая. Журавли — символ удачи	19
Глава вторая. Я иду в баню	37
Глава третья. Журавлиный клин	58
Глава четвертая. Я иду в театр	81
Глава пятая. Цветы больше не пахнут	98
Глава шестая. Двое с журавлиного клина	113

ПОВЕСТЬ О КУКЛЕ-ТАЛИСМАНЕ

Глава первая. Иоши из грязного переулка	139
Глава вторая. Клетка для Лазоревого дракона	157
Глава третья. Мальчик хочет грамоту	176
Глава четвертая. Алтарь в пустом доме	195
Глава пятая. Собачья Будда	213
Глава шестая. Палаточный лагерь	234
Глава седьмая. Дочь долга	254

ПОВЕСТЬ О ДВУХ КЛИНКАХ

Глава первая. Переполох в семье господина Цугавы	271
Глава вторая. Отец и сын	287
Глава третья. Борьба с мебелью	303
Глава четвертая. Адская жаровня	320
Глава пятая. Прошлое и настоящее	339
Глава шестая. Живые и мертвые	358

Олди Генри Лайон

О 53 Дракон и карп. Книга I. Кукла-талисман : роман в повестях / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с. : ил. — (Азбука-фэнтези).

ISBN 978-5-389-19384-0

Закон будды Амиды превратил Страну восходящего солнца в Чистую Землю. Отныне убийца жертвует свое тело убитому, а сам спускается в ад. Торюмон Рэйдэн — самурай из Акаямы, дознаватель службы Карпа-и-Дракона, уже известный читателю по роману «Карп и дракон», — расследует случаи насильственных смертей и чудесных воскрешений.

Но даже смерть не может укротить человека, чья душа горит в огне страстей. И теперь уже не карп поднимается по водопаду, становясь драконом, а дракон спускается с небес, чтобы стать карпом. Дознаватель Рэйдэн выясняет это, рискуя собственной жизнью.

Первую книгу нового романа «Дракон и карп» составили «Повесть о мертвых и живых», «Повесть о кукле-талисмани» и «Повесть о двух клинках».

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ДРАКОН И КАРП
Книга I. Кукла-талисман

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Римма Тахтаракова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.10.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»: <http://www.oldieworld.com>

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-FAF-28123-01-R